

19. Шатило И. С. Мировоззренческие коллизии XX века и проблема разработки современного социального идеала / Российск. заочн. ин-т текст. и легк. пр-сти. – М., 2001. – 90 с.

20. Утопия и утопическое мышление: антология заруб. лит.: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

21. Поппер К. Відкрите суспільство та його вороги / Карл Раймонд Поппер; [пер. з англ. О. Коваленко]. – К.: Основи, 1994. – Т.1. – 444 с.

22. Флоровский Г. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. – 1990. – №10.

23. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. 2–е изд. Т.2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990. – 822 с.

24. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

References

1. Bulgakov S. Rozmysly. Tvorchy spadshhyna u konteksti XXI st / Za red. V. D. Bazylevycha. – K.: Znannya, 2006. – 903 s.

2. Il'enko Je. V. Ob idolah i idealah. – M.: Politizdat, 1968. – 312 s.

3. Vol'fgang Kraus. Niligizm segodnja, ili Dolgoterpenie istorii. Sledy raja. Ob idealah. – Jesse / Per. s nem. A. Karel'skogo, E. Kacevoj i Je. Vengerovoj. – M.: Raduga, 1994. – 256 s.

4. Kant Immanuel. Sochinenija v shesti tomah. [Pod obshh. red. V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, T. I. Ojzermana]. – M.: «Mysl'», 1964. (Filosof. nasledie. Akad. nauk SSSR. In-t filosofii). – T.3. – 799 s.

5. Novgorodcev P. I. Ob obshhestvennom ideale / P. I. Novgorodcev // Prilozhenie k zhurnalu «Voprosy filosofii». – M.: Izdatel'stvo «Pressa», 1991. – S.13–522.

6. Trubeckoj E. N. Smysl zhizni / Sost. A. P. Polkova, P. P. Apryshko. – M.: Respublika, 1994. – 432 s.

7. Frank S. L. Duhovnye osnovy obshhestva. – M.: Respublika, 1992. – 511 s. – (Mysliteli XX v.).

8. Barkov V. Ju. Social'no-politicheskij ideal v massovom soznanii Ukrainy. – K.: Stilos, 1999. – 32 s.

9. Zabloc'kyj V. Liberalizm: ideja, ideal, ideologija / Vitalij Zabloc'kyj. – Donec'k: Jantra, 2001. – 366 s.

10. Kornienko V. A. Jevoľucija politicheskogo ideala (opyt istorii). – Kiev – Vinnica, 1996. – 264 s.

11. Rozova T. V. Utopija kak sociokul'turnyj fenomen / T. V. Rozova; NAN Ukrainy, In-t filosofii. – O.: [b.v.], 1996. – 128 s.

12. Samchuk Z. V. Svitogljadni osnovy social'no-filosof'skogo doslidzhennja ideologii: problema kryterij v ta priorytetiv vyboru: [monogr.]: u 2 t. – D.: ART-PRES, 2009.

13. Stepyko M. T. Buttja etnosu: vytoky, suchasnist', perspektyvy (filosof'sko-metodologichnyj analiz) / M. T. Stepyko; NAN Ukrainy; In-t filosofii. – K.: Znannya, 1998. – 250 s.

14. Velichko A. M. Gosudarstvennye idealy Rossii i Zapada. Paralleli pravovykh kul'tur. – Spb.: Izdatel'stvo Juridicheskogo instituta, 1999. – 235 s.

15. Vodolazov G. G. Idealy i idoly. Moral' i politika: istorija, teorija, lichnye sud'by. – M.: Kul'turnaja revolucija, 2006. – 864 s.

16. Gabermas Ju. Filosof'skij diskurs suchasnosti / Ju. Gabermas; [pereklad]. – K.: Ukrai'ns'kij filosof'skij fond, 1998. – 158 s.

17. Ideal, utopija i kriticheskaja refleksija. RAN. Institut filosofii; otv. red. V. A. Lektorskiy. – M.: ROSSPJeN, 1996. – 302 s.

18. Mjasnikova S. V. Problema social'nogo ideala v filosofsko-literaturnykh proizvedenijah A. A. Bogdanova, E. I. Zamjatina, A. P. Platonova. – Ekaterinburg, 2006. – 128 s.

19. Shatilo I. S. Mirovozzrencheskie kollizii XX veka i problema razrabotki sovremennogo social'nogo ideala / Rossijsk. zaochn. in-t tekst. i legk. pr-sti. – M., 2001. – 90 s.

20. Utopija i utopicheskoe myshlenie: antologija zarubezhn. lit.: Per. s razn. jaz. / Sost., obshh. red. i predisl. V. A. Chalikovoi. – M.: Progress, 1991. – 405 s.

21. Popper K. Vidkryte suspil'stvo ta jogo vorogy / Karl Rajmond Popper; [per. z angl. O. Kovalenko]. – K.: Osnovy, 1994. – T.1. – 444 s.

22. Florovskij G. Metafizicheskie predposylki utopizma // Voprosy filosofii. – 1990. – №10.

23. Solov'ev V. S. Sochinenija v 2 t. 2–e izd. T.2 / Obshh. red. i sost. A. V. Gulygi, A. F. Loseva; Primech. L. Kravca i dr. – M.: Mysl', 1990. – 822 s.

24. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. – M.: Politizdat, 1991. – 527 s.

Chorna L. V., PhD in Political Science, assistant professor, doctoral student of the Department of Philosophy, Theory and History of Public Administration, National Academy for Public Administration under the President of Ukraine (Ukraine, Kyiv), lika7@ukr.net

The algorithm of social ideals misuse

The article analyzes the main features of social ideals distortion, which is the main premise of deformation of society political consciousness and sense of justice. The author examines the peculiarities of transformation of the ideal to utopia, substitution of true ideals for false ones, the application of forcible methods for realization of social development ideas. The article reveals possible manifestations of anti-historical method in given context. The algorithm of social ideals misuse is formulated. There are pointed out the principal propositions to prevent complete renunciation of social ideal.

Keywords: ideal, social ideal, utopia, nihilism, state building, social development.

Черная Л. В., кандидат политических наук, доцент, докторант кафедры философии, теории и истории государственного управления, Национальная академия государственного управления при Президенте Украины (Украина, Киев), lika7@ukr.net

Алгоритм злоупотребления общественными идеалами

Анализируются основные признаки искажения общественных идеалов, что является основной предпосылкой деформации политического и правового сознания общества. Рассмотрены особенности преобразования идеала в утопию, подмены истинных идеалов ложными, применение насильственных методов для воплощения идей общественного развития. Показаны возможные проявления антиисторизма в выбранном контексте. На основании проведенного исследования сформулирован алгоритм злоупотребления общественными идеалами и приведены основные положения, необходимые для корректного понимания общественного идеала, а также предотвращение полного отказа от него.

Ключевые слова: идеал, общественный идеал, утопия, нигилизм, государственное строительство, общественное развитие.

УДК 001:002

Вячеслава Е. А.,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Национальный медицинский университет им. А. А. Богомольца (Украина, Киев), viacheslavova--elena@yandex.ru

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МОДЕЛЯХ В ЭСТЕТИКЕ: РИТОРИКА ТЕКСТА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Осуществлена адаптация риторического понимания текста к эстетической проблематике тропоса в изобразительном искусстве. Автор выделяет два уровня риторического – риторика фигур и риторика текста как целого. Рассмотрен метаболизм как тип риторических операций, связанных с наличием в произведении отклонений от визуального и логического кода. Дается определение риторической функции в изобразительном искусстве, выявляется типология интертекстуальных связей.

Ключевые слова: риторическая функция, автореференция, метаболизм, интертекст, реинтерпретация, креолизация языка.

(статья друкується мовою оригіналу)

Идейные установки постмодерна, стимулировавшие тенденции художественной синестезии, привели к распространению в эстетике и искусствознании полипарадигмальных подходов к феноменам искусства XX–XXI столетий. Современный исследователь нередко вынужден в решении научных проблем прибегать к синтезу теоретических концепций, сложившихся в различных областях гуманитарного знания, что является непростой задачей, требующей методологической рефлексии. В частности, следует согласиться с российской искусствоведом П. С. Волковой, отметившей продуктивность риторической модели («риторики художественного текста») в современной эстетике, ее способность выступать обоснованием философии искусства [3]. Действительно, формирование современной философии искусства, в которой возможно согласование неклассической и классической

парадигм естетического знания, является *актуальной* задачей сегодняшнего дня. Однако, *проблема* состоит в том, что используемый П. С. Волковой подход не тождествен известным структурно–функциональным и семиотическим концепциям риторичности. Исследовательница опиралась на лингвориторическую модель, разработанную российскими педагогами, психологами, филологами, музыковедами (А. Ворожбитовой, П. Пихновским, Д. Присяжнюком, Е. Яковлевой и др.), не ориентированную на анализ изобразительного искусства, между тем феномен реинтерпретации художественного текста она рассматривает и на образцах живописи. Применительно к последним указанный подход малопродуктивен в силу его априоризма, уводящего в сторону от проблематики художественного текста. Разделяя позитивную оценку риторического подхода в эстетике, заявленную П. С. Волковой, мы считаем необходимым условием его применения предваряющую конкретизацию понятия «риторика текста» в невербальных видах искусства.

Предлагаемая статья посвящена анализу риторики текста в изобразительном искусстве. В эстетике и искусствознании данная проблема системно не изучена. В украинской эстетической мысли возможности риторического подхода к феноменам искусства акцентировал Ю. Легенький [8], предпосылки к его использованию сложились в 1990–е годы благодаря философскому анализу западных неориторических концепций, осуществленному В. Мейзерским [11]. Однако полной реализации данный теоретический посыл не получил. Интерес к феномену риторического в искусстве проявляется сегодня в разных формах, например, как сопутствующая позиция в комплексном исследовании И. Бондаревской, в котором риторичность иконы анализировалась как фактор выявления специфики эстетического в украинской культуре XVII–XVIII столетий [2]. Профессор О. Федорук обоснованно считает поэтику метафоры определяющей для всего украинского изобразительного искусства последних десятилетий [17]. Показательна тенденция к анализу явлений, имеющих риторическую природу (изобразительной мотивики как основы полисемии, мифопоэтической образности), вне связи с риторической моделью, что было характерно в 2000–е годы для исследований М. Каранды, А. Тарасенко, Е. Вячеславовой [6; 16; 4]. Соотношение эстетической нормы и ее нарушения, диалектика формы и содержания как источник множественности интерпретаций, адресность текста рассматриваются Л. Мизиной, Л. Семиной, С. Холодинской в рамках герменевтического подхода [12; 15; 18]. Однако отметим, что данные оппозиции ответственны и за процедуры семантических изменений в искусстве, ведущие к созданию тропов и фигур, что актуализирует вопрос о дополнительности риторики и герменевтики как теорий порождения и понимания текста.

В российской эстетике продуктивность риторического подхода к изучению художественных феноменов отмечал Ю. Боров («Эстетика», 1997), возможность его применения в искусствознании показали исследования С. Даниэля («Картина классической эпохи», 1986; «Сети для Протeya: Проблема интерпретации формы в изобразительном искусстве», 2002), В. Локтева («Барокко: от Микельанджело до Гварини. Проблема стиля», 2004). Однако в целом отсутствие методологии адаптации понятий литерату-

роведения к проблематике соотношения изображения и слова в изобразительном искусстве, является помехой в дальнейшей адекватной работе в данном направлении, о чем свидетельствует монография Н. Злыдневой «Изображение и слово в риторике русской культуры XX века» (2008), построенная на компаративном анализе произведений вербальных и невербальных искусств. Вероятно, поэтому в работах российских ученых, как и в украинской эстетике и искусствознании, налицо тенденция к рассмотрению явлений, имеющих риторическую природу, вне риторического подхода. Так, герменевтическая позиция преобладает в исследовании М. Ямпольского об интертексте в искусстве кино, хотя, минуя понятие риторического, автор отмечает смыслопорождающие функции интертекстуальности [21]. Благодаря концепциям Ю. Кристевой, Р. Барта интертекст является предметом обсуждения уже в течение ряда лет, однако его связь с риторической моделью остается за пределами внимания Н. Маньковской, В. Бычкова, В. Диановой и других российских ученых, изучающих эстетику и искусство постмодернизма. Отмеченная работа М. Ямпольского содержит ряд ценных наблюдений о механизмах интертекста в изобразительном искусстве (в творчестве Ф. Леже, С. Дали), позволяя заключить, что любое исследование данного феномена является и изучением определенных аспектов риторики текста. Учитывая устойчивый литературоцентризм в области эстетической рефлексии интертекстуальности, как вехи на пути освоения риторического в изобразительном искусстве мы рассматриваем работы П. С. Волковой, И. К. Роговина («Интерпретация сюжетов «Метаморфоз» Овидия в изобразительном искусстве», 2007), П. С. Волкова, акцентируя общность явлений реинтерпретации и интертекста, также не ставит вопрос об их риторической природе [3]. Существеннее, однако, то, что явлениями интертекста и реинтерпретации проблематика риторического в искусстве не ограничивается.

Нашу *задачу* мы видим, во–первых, в системной интеграции в рамках анализа риторики художественного текста как перечисленных выше, так и иных аспектов понимания риторического, выражающих эстетическую специфику тропоса в изобразительном искусстве; во–вторых, в уточнении понятия «риторическое» в изобразительном искусстве.

В восстановлении интереса к риторике в первой половине XX века была значима роль междисциплинарной научной деятельности Р. Якобсона. Ряд его ранних статей, посвященных искусству модернизма, выявил обоснованность интереса семиотики к невербальным искусствам. Разработав модель коммуникативного акта, Р. Якобсон акцентировал поэтическую функцию языка: обеспечивая автореференцию, она является главной в искусстве, а коммуникативная (референтивная) – второстепенной [19]. Исследователь выявил структурное устройство и механизм функционирования поэтического языка, связав риторические операции образования тропов и фигур с парадигматической и синтагматической осями языка, что оказалось релевантным также и для изобразительного искусства. Идеи Р. Якобсона создали предпосылки для обоснования риторики текста и были использованы теоретиками неориторки (Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ф. Пир, Ж.–М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, А. Тринон), отождествившими поэтическую и риторическую функции

языка с целью структурного анализа риторики фигур [13, с. 54]. Позиции указанных выше исследователей (все они акцентировали релевантность данной концепции для изобразительного искусства) в совокупности составили вариант структуралистской семантической философии искусства, отмеченный Е. Басиным [1, с. 151].

Обращаясь к риторической модели в эстетике, следует учитывать возможность различных подходов к пониманию текста. В центре внимания междисциплинарного текстологического дискурса второй половины XX столетия было выявление механизмов порождения смысла в знаковых образованиях, что сопровождалось признанием недостаточности денотации в качестве основной модели значения и актуализировало традиционные для риторики вопросы генерирования косвенных смыслов. Существенным оказалось то, что риторическая (поэтическая) функция языка на практике реализуется в тексте и служит критерием его определения. В поле формирования риторической и семиотической теорий текста были вовлечены идеи В. Проппа, М. Бахтина, К. Леви-Стросса, существенный вклад в их разработку был сделан А.–Ж. Греймасом, М. Риффатером, Ю. Кристевой, Р. Бартом, Т. А. ван Дейком, Ц. Тодоровым, Ж. Женеттом, Ю. Лотманом. Как определенную специфику риторики текста В. Мейзерский отмечал доминирование в ней интерпретативной модели [11, с. 109], что отличает ее от текстологических теорий, элиминирующих позицию «автора» и нацеленных на предствление текста как процесса нон-финального смыслогенеза. Благодаря этому риторика текста методологически релевантна как для эстетики и философии искусства, так и для искусствознания в целом с его ориентацией на произведение как предмет познания. Согласно Ю. Лотману, для исследователя текст – это аналитический инструмент, «некая полезная абстракция художественного единства» [9, с. 271].

Теория текста Ю. Лотмана представляет для нас интерес, учитывая внимание исследователя к риторическим феноменам в изобразительном искусстве, а также ориентацию его концепции не только на поэзию, но и на «более общие вопросы построения произведения искусства» [9, с. 104]. Обоснованием его широких эстетических обобщений служил исходный тезис о том, что понятие знака в словесном художественном тексте не тождественно знаку в естественном языке, вследствие чего поэзия строится «по законам не языкового, а изобразительного знака» [9, с. 153]. Исходя из этого, лотмановский анализ структуры художественного текста можно рассматривать как теорию иконического знака, что позволяет сделать некоторые экспликации общего характера, полезные для понимания риторики текста в изобразительном искусстве.

Разделяя позицию М. Риффатера, Ю. Лотман считал необходимым условием риторики текста возможность предствить произведение как целостную единицу (знак), выполняющую сигнификативные функции [11, с. 110]. Диалектические характеристики текста (выраженность, структурность, наличие границ и погруженность во внетекстовые структуры) указывают на то, что два аспекта риторики («риторика фигур» и риторика текста как целого [10, с. 168]) могут существовать в произведении лишь в виде целостной иерархической структуры, неизбежно порождая вопрос о том, как соотносятся элементы такого риторического образования.

Имманентность текста и его взаимодействие с внетекстовыми структурами предполагают отношения двух уровней. На первом из них риторика фигур соотносится с внутритекстовой организацией, основой которой выступают парадигматическая и синтагматическая оси художественного языка. Риторика текста как целого включает в себя риторику фигур в качестве базисной подсистемы, с учетом того, что в произведении могут быть и немодифицированные синтагмы. В свою очередь риторика текста как целого ориентирована на его соотнесенность с внетекстовыми структурами двух типов – структурами отправителя и получателя художественного сообщения (художника и зрителя).

Согласно Лотману, имманентная структура любого художественного текста строится на основе двух типов отношений: принцип ритма, повтора делает эквивалентным неэквивалентное, принцип метафоры соединяет несоединимое [9, с. 88]. Ритмический повтор связан с синтагматикой текста, в классической риторике различные способы организации повторов принадлежали сфере фигур речи, стилистических фигур. Метафора выражает парадигматические (семантические) отношения, выполняя функцию порождения текста. «Повторение обнажает структуру», «ритмические фигуры» (концепт Лотмана) членят и связывают изобразительные и выразительные элементы текста, устанавливая отношения в изобразительной синтагме и позволяя выделить семантические единицы текста [9, с. 135]. Риторика фигур была основательно исследована учеными льежской школы [13], релевантность их подхода в изобразительном искусстве была показана нами ранее на примере анализа референциальной метафоры и ритмических риторических модификаций.

Теория льежцев ценна еще и тем, что выявляет на уровне риторики текста как целого значимость для изобразительного искусства металоги́зм. Металоги́зм как тип метабол возникает, когда автор обращается «к объективной реальности «как таковой», чтобы затем совершенно открыто отойти от нее и извлечь из этого нужный ему эффект» [13, с. 225]. Металоги́зм предполагает ситуацию соотнесения текста с экстралингвистической реальностью и заключается в выходе за рамки «нормального» отношения между знаком и обозначаемой вещью, «когда затрагиваются нормы... зеркального отражения истины» [13, с. 241]. Функция металоги́зма заключается «в деформации референтной ситуации или контекста» или в изменении логической значимости сообщения [13, с. 242, 67].

Указывая на связь металоги́змов с классическими риторическими фигурами мысли, теоретики неориторики акцентировали их слабую изученность и необходимость «всерьез заняться анализом металоги́змов» [13, с. 230]. Относя к категории металоги́змов иронию, гиперболау, антитезу, обрыв, плеоназм, парадокс, аллегория, притчу, авторы «Общей риторики» отмечали трудности выявления металоги́змов, выступающих в тексте в единстве с «риторикой фигур». Для их дифференциации следует учитывать, что металоги́зм меняет значимость всей синтагматической последовательности, в то время как семантическое «действие тропов распространяется лишь на отдельные элементы последовательности» [13, с. 251, 176].

Исходя из сказанного, очевидно, что в изобразительном искусстве группа металоги́змов включает не только

перечисленные типы фигур. Существеннее то, что металогиические операции связаны с отклонениями (деформациями) от перцептивного визуального и логического кодов, что составляет специфику изобразительных художественных систем современного типа, начиная с конца XIX века. Характеристика последних связывается в эстетике и искусствознании с отходом от принципа мимесиса, с движением «от образа к знаку». В качестве примеров металогиизма укажем на работы Э. Мунка («Крик», 1893, Национальная галерея, Осло), на образцы иронии в творчестве Ж. Сёра («Канкан», 1889–1890, Музей Креллер–Мюллер, Оттерло). Со ссылкой на Ж. Делёза можно рассматривать металогиизм как проявление «оргиастической репрезентации», «проводящей различие» и организующей экспрессивность: «...оргиастическая репрезентация превращает сами вещи в выразительность» [5, с. 64].

Риторическая природа данного феномена будет более очевидной, если обратиться к вопросу о семантической структуре художественного текста. Особенностью его является двойное существование: принадлежность системе поэтического языка не отменяет его общезыковых значений. Соотнесенность в восприятии обеих семантических систем, напряженность между ними создает эстетический эффект [9, с. 186]. Учитывая, что функцию естественного языка в изобразительном искусстве выполняет перцептивный визуальный код, отметим, что подобное соотношение как раз и составляет специфику искусства конца XIX–XX века. Структура изобразительного металогиизма образуется наложением ритмических динамических кодов на визуальный перцептивный код – двойное кодирование служит источником присущего произведениям данного типа «экспрессивного ореола», смысловой «размытости». На уровне риторики фигур принятие допустимости отклонений от перцептивного визуального кода вело также к изменению способов образования тропов – к обнажению коннотативной природы метафоры, к метафоре–монтажу, метафоре–метаморфозе, образцы которой представлены в творчестве Дж. де Кирико («Великий метафизик», 1924, Национальная галерея, Берлин), А. Тышлера («Девушка и город», 1972; «Наклонная башня», из серии «Архитектура», 1976) и других художников XX столетия.

На наш взгляд, те преобразования в живописи, которые были обозначены краткой формулой «от образа к знаку», имели риторическую природу и были способом реализации в искусстве поэтической функции языка, состоявшей в активизации образования тропов, металогиизмов и нарастании разнообразных форм ритмической разработки пространственно–плоскостных отношений (на основе цвета, тона, линии, пятна, фактуры), при том, что последние представляют собой риторические модификации (стилистические, ритмические, экспрессивные фигуры), выполняющие не только образную функцию, но и функцию автореференции. Рассматривая проблему референциальной метафоры, мы отмечали закономерность: оптическая иллюзия «гасит» троп, сюжетное начало «растворяет» его, делая незаметным. Отказываясь от оптической иллюзии и сюжета, художники рубежной поры «создают язык, которому реальность «поручкой» не служит», основой которого являются риторические фигуры (в том числе металогиизмы) – «то единственное средство, которое может увести язык от его утилитарной роли, а это

является первейшим условием его превращения в язык поэтический» [13, с. 60]. В ряде направлений семантической философии (в работах С. Лангер, «общих семантиков» и др.) указанные преобразования характеризовались как акты художественного абстрагирования [1, с. 122, 245–246]. На наш взгляд, риторическая модель позволяет дифференцировать составляющие такого формообразующего процесса, выявляя его семантическую направленность и конкретные формы реализации в произведении искусства.

В отличие от металогиизма, феномен интертекста как способа реализации внетекстовых связей достаточно изучен и в рамках риторики текста, где значимыми были работы М. Риффатера [11, с. 189], и вне риторической модели в литературоведении, например, в работах Г. Косикова, в киноэстетике [21]. Впервые о цитате как риторической операции писал уже Э. Тезауро. Термин «интертекст» введен в эстетику Ю. Кристеовой в результате перенесения на почву постструктурализма проблемы «чужих голосов», теоретическое осмысление которой было дано М. Бахтиным [7, с. 37]. Не касаясь известных механизмов интертекстуальности, ведущих к семантическим изменениям, отметим возможные в данной области типологические различия, существенные для изобразительного искусства. Как показало наше исследование изобразительной метафоры, интертекстуальность реализуется и в пределах риторики фигур, в связи с чем необходимо различать функции внетекстовых связей на уровне языка и на уровне текста: лишь связи второго типа интегрируют семантику текста. В конкретном произведении могут быть представлены одновременно гетерогенные типы интертекста, как выступающие источником метафоризации, так и служащие референциальным медиатором, но не ведущие к образованию тропа, а создающие определенный «экспрессивный ореол» (в работе Ф. Кричевского «Семья», из триптиха «Жизнь», 1925–1927, НХМУ, Киев). На практике вопрос о дифференциации риторических операций разных уровней является непростой задачей, как показывает анализ «геральдической конструкции», осуществленный М. Ямпольским [21, с. 71–72], где «текст в тексте», обеспечивающий трансформацию смысла, смешивается с механизмом удвоения, ритмическими фигурами повтора (типа «рама в раме»), главной целью которых является эффект смысловых резонансов, ведущий к трансцендированию смысла, к разрушению ясности семантической модальности и «преодолению однозначности содержания за счет усложнения формы» [21, с. 82, 90, 196–197].

Наконец, специфический характер имеет интертекст, выполняющий функцию реинтерпретации. Помещение данного риторического феномена в ряд типологически близких ему поможет дать ответ на вопрос, поставленный П. С. Волковой, но решения в ее работе не получивший: каково соотношение интертекста и реинтерпретации [3]? Тезис исследовательницы о близости «метода реинтерпретации и интертекстуального метода» развернут в утверждение о том, что реинтерпретация в искусстве имеет творческий («первичный») характер, в отличие от интерпретации как «вторичной» стратегии чтения (позиции знатока, зрителя, критика), с чем нельзя согласиться: «по самой своей природе любой текст

одновременно является и произведением, и интертекстом» [7, с. 37], в силу чего интерпретация предполагает экспликацию внетекстовых связей текста. В современном украинском искусстве интертекстуальная интерпретация изобразительного фольклора или украинского барокко имеет безусловно творческий характер.

Согласно П. С. Волковой, реинтерпретация, предполагающая бриколаж, провокативность и распрямление текста, характеризует искусство «после Google и Internet», поэтому сошлемся на украинского классика реинтерпретации А. Ройтбурда, чей ироничный автокомментарий к собственной живописи от третьего лица отвечает на поставленный выше вопрос: «Художник лукавит, ...умышленно затемняя там, где хотелось бы прояснить», упаковывая свои образы «в секунд-хенд «взятых напрокат» названий», производя картину-артефакт посредством «тотального коллажирования», «микшируя треш с классикой», пользуясь тем, что тиражированность последней придала (или возвратила) ей полную анонимность профанного. Названия, выступая как «лингвистическая эхолалия», тем не менее «никуда не отсылают», поскольку «в нашем сознании любое название изначально опустошено», конструируясь по отношению к содержанию как «две встречные бессмысленности»: «Не смысл пришел я принести, но бессмыслицу» [14, с. 3–7]. Очевидно, в случае реинтерпретации речь идет о способе организации интертекста, который предварительно уже подвергся деструкции смысла, образуя материал для симулякра, для выявления «присутствия отсутствия» что ведет к смысловой неопределенности. Семантический потенциал неопределенности в искусстве велик, в том числе неопределенности, связанной с «бессмыслицей» или «заумью», на что указывал М. Ямпольский [20; 21, с. 337–338]. Опыт анализа искусства модернизма показал, что даже радикальное разрушение культурных символов ведет не к упразднению символизма как такового, а к вторичной семантизации, в которой «опустошенная» форма получает окказиональные смыслы [21, с. 324–325; 20, с. 503].

Здесь мы подошли к необходимости коснуться вопроса о втором типе внетекстовых отношений, которые заданы возможностью несовпадения кодов отправителя и получателя художественного сообщения. Уже Ч. Пирс констатировал: «...никакое сообщение от одного лица к другому не может быть совершенно определенным» [Цит. по: 1, с. 273]. Развитием этой мысли был тезис Р. Якобсона о воздействии риторической функции на всех участников коммуникативного акта: «Двойному смыслу соответствует расщепленность адресанта и адресата» [19, с. 221]. Исходя из проведенного им различия «грамматики говорящего» и «грамматики слушающего», Ю. Лотман развивал концепцию «креолизации» языка отправителя сообщения в акте художественной коммуникации при пересечении его с языками, имеющимися в арсенале получателя в случае, если последнему приходится частично или полностью конструировать дешифрующий код [9, с. 37]. Перспективы креолизации языка оказываются ответственными за производство косвенных и окказиональных смыслов в том числе и потому, что наличие случайного, спонтанного в художественном тексте, с учетом презумпции его осмысленности, стимулирует зрителя к организации дополнительных вторичных семантических упорядоченностей, к наделению их значимостью. Крайнюю степень выражения данные идеи получают в эстетике постструктурализма, наделяющей «читателя» значимостью основной инстанции, производящей смыслы.

В проекции на произведение перспектива языковой креолизации предполагает в качестве условия порождения или изменения смыслов наличие в художественном тексте очагов семантической неопределенности. Источниками ее в той или иной мере выступают все виды риторических модификаций. В наибольшей степени данным свойством обладают ритмические, стилистические, экспрессивные операции, само существование которых как фигур, согласно классической риторической теории, целиком определяется тем, будут ли они замечены и восприняты зрителем: модификации данного типа обретают смысл в актах восприятия. Принадлежат «риторике фигур» (имманентному уровню текста), они одновременно обнаруживают свою диалектическую природу в ориентации на систему внетекстовых связей (на возможные коды адресата). Ключевое значение модификации данного типа и отвечающие им принципы порождения косвенных смыслов, в которых главную роль играют акты автокоммуникации, получают в искусстве XX столетия, выражая логику перехода от репрезентативной модели искусства к экспрессивной. Смыслы (в том числе косвенные) порождаются тут не трансляцией «готовых» идей, а «дифференцирующим мерцанием самого материала», экспрессивной манипуляцией с ним, «вписыванием в него различия» [20, с. 124].

Рассмотренный методологический подход, опирающийся на положения неориторики, позволяет изучать иерархическое устройство художественного текста с целью выяснения тех отношений, которые связывают его уровни. В этом состоит его преимущество в сравнении с отмеченной выше лингво-риторической моделью [3], предполагавшей возможность осуществить «культурный синтез риторики, лингвистики и искусства», минуя семиотику текста, что вызывает сомнение, поскольку речь идет о невербальных художественных системах. Это и обусловило априоризм позиции П. С. Волковой: чтобы показать, «каким образом риторический тип речи взаимодействует с художественным типом речи», автору пришлось конструировать «образ ратора», постулировать некие условия соответствия ему «образа автора» и позиционировать аналогию между ними «в качестве такой дохудожественной модели действительности, опираясь на которую творец оказывается способным создавать влиятельное публичное высказывание» [3]. В действительности, художественное и риторическое высказывания обладают структурной общностью, что позволяет применять риторическую модель для анализа художественных текстов, в том числе в изобразительном искусстве. В качестве выводов, отметим следующее:

1. Риторика текста в изобразительном искусстве представляет собой иерархическую структуру, тип художественного единства и взаимодействия имманентных и внетекстовых связей текста.

2. Риторика текста как целого включает в себя риторику фигур в качестве «языковой» подсистемы, организующей имманентные отношения художественного текста. Диалектическая природа метабол данного уровня выражается в их нацеленности и на внетекстовые связи: изобразительная метафора имеет интертекстуальную природу, ритмические фигуры ориентированы на возможные коды адресата.

3. Риторика текста как целого предполагает такие типы операций, как металогизмы и образование интертекстуальных связей.

4. Категория металоги́змів в изобразительном искусстве с учетом характера художественных систем современного типа включает в себя преобразования, связанные с наличием в произведении отклонений от визуального перцептивного и логического кодов.

5. Анализ металоги́змів позволяет заключить, что характерный для искусства конца XIX–XX столетий отход от принципов мимесиса, редукция оптической иллюзии и сюжетного начала являются феноменами риторической природы, способами автореференции, формой реализации риторической (поэтической) функции языка в изобразительном искусстве.

6. Выявлена функциональная гетерогенность различных типов интертекстуальных связей, показана специфика реинтерпретации как способа организации интертекста, который предварительно подвергся семантической деструкции в целях формирования смысловой неопределенности.

7. Одним из источников, генерирующих косвенные смыслы в искусстве, выступает коммуникативная ситуация с возможным несовпадением кодов отправителя, получателя и текста, заданная наличием в тексте очагов семантической неопределенности и ведущая к языковой креолизации и активизации актов автокоммуникации.

8. Рассмотренные типы риторических преобразований позволяют охарактеризовать риторическую функцию («риторическое») в искусстве, во-первых, как совокупность операций, ведущих к смысловым изменениям; во-вторых, как способ автореференции, самообнаружения художественного языка произведения, причастного порождению смысла и входящего в качестве существенного элемента в построение плана содержания.

Структурирование художественного текста не является самоцелью, но служит раскрытию полноты смысловых интенций произведения. Иными словами, риторика текста функционирует и как модель понимания произведения. Поскольку именно с произведением как художественным единством связана специфика искусства, полагаем, что рассмотренная методологическая модель, выступая в качестве инструмента анализа формообразующих и семантических аспектов художественного текста, может быть использована как одно из оснований современной философии искусства.

Список использованных источников

1. Басин Е. Я. Семантическая философия искусства [Текст] / Е. Я. Басин; Российская акад. наук, Ин-т философии, Акад. гуманитар. исслед. – 4-е изд., доп. – М.: Гуманитарий, 2012. – 348 с.
2. Бондаревська І. А. Контури естетичного в риторичному модусі культури [Текст] / Бондаревська І. А. // Парадоксальність естетичного в українській культурі XVII–XVIII століть. – К.: ПАРАПАН, 2005. – С.108–158.
3. Волкова П. С. Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века) [Текст] / автореф. дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.09 / П. С. Волкова; Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2009. – 46 с.
4. Вячеславова О. А. Миф і образотворче мистецтво у постмодерній естетиці [Текст] / О. А. Вячеславова, А. Д. Чаус // Українська культура у вимірах постмодерну: Навч. посіб. для студентів ВНЗ. – Луганськ: вид-во «Ноулідж», 2011. – С.149–221.
5. Делёз Ж. Различие и повторение [Текст] / Жиль Делёз; пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской; научн. ред. Н. Б. Маньковская. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
6. Каранда М. В. Неорелігійні мотиви в естетиці та мистецтві зламу XIX–XX століть [Текст] / автореф. дис. ... канд. філос. наук: 09.00.08 / М. В. Каранда; Київ. нац. ун-т ім. Т. Г. Шевченка. – К., 2006. – 16 с.

7. Косиков Г. К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) [Текст] // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., сост. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – С.3–48.

8. Легенький Ю. Г. Естетика (досвід апофатичної дескрипції) [Текст]: навч. посібник для студ. вузів / Ю. Г. Легенький. – К.: КНУКіМ, 2007. – 600 с.

9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Лотман Ю. М. // Об искусстве. – СПб.: «Искусство–СПб», 1998. – С.14–285.

10. Лотман Ю. М. Риторика [Текст] / Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х томах. – Таллин: Александра, 1992. – Т.1. – С.167–183.

11. Мейзерский В. М. Философия и неориторика [Текст] / В. М. Мейзерский. – К.: Лыбидь, 1991. – 192 с.

12. Мізіна Л. Б. Естетична інтерпретація історії мистецтв: сучасне бачення [Текст] / Мізіна Л. Б. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. – 200 с.

13. Общая риторика [Текст] / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; [пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева]. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.

14. Ройтбурд А. Имаджинариум [Текст] / Александр Ройтбурд. – К.: Семейная типография huss, 2013. – 79 с.

15. Семиног Л. Адресність тексту: Історичні метаморфози в українській естетичній думці [Текст] / Л. Семиног // Художня культура. Актуальні проблеми: Науковий вісник / ІПСМ АМУ; Редкол.: О. Федорук (голова), В. Сидоренко, І. Безгін та ін. – К., 2008. – Вип.5. – С.91–98.

16. Тарасенко А. А. Міфологічні мотиви і образи в образотворчому мистецтві Одеси останньої третини ХХ – початку ХХІ століття [Текст]: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: 17.00.05 / А. А. Тарасенко. – Харків, 2007. – 20 с.

17. Федорук О. Величний знак метафори [Текст] // Перетин знаку: Вибрані мистецтвознавчі статті. У 3-х книгах / Інститут проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України. – К.: Інтертехнологія, 2008. – Кн.3. – С.25–53.

18. Холодинська С. Інтерпретація як фактор формування нового мистецького феномену [Текст] / С. Холодинська // МІСТ: Мистецтво, історія, сучасність, теорія: Зб. наукових праць з мистецтвознавства та культурології / ІПСМ АМУ; Редкол.: В. Д. Сидоренко (голова), О. О. Авраменко, О. Я. Боднар та ін. – К.: Музична Україна, 2008. – Вип.4–5. – С.352–360.

19. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Текст] // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей; [пер. с англ. И. А. Мельчука]. – М.: Прогресс, 1975. – С.193–230.

20. Ямпольский М. «Сквозь тусклое стекло»: 20 глав о неопределенности [Текст] / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 688 с.

21. Ямпольский М. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф [Текст] / М. Ямпольский. – М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.

References

1. Basin E. Ja. Semanticheskaja filosofija iskusstva [Текст] / E. Ja. Basin; Rossijskaja akad. nauk, In-t filosofii, Akad. gumanitar. issled. – 4-e izd., dop. – М.: Gumanitarij, 2012. – 348 s.
2. Bondarevs'ka I. A. Kontury estetychnogo v rytorychnomu modusi kul'tury [Текст] / Bondarevs'ka I. A. // Paradoxal'nist' estetychnogo v ukrai'ns'kij kul'turi XVII–XVIII stolit'. – К.: PARAPAN, 2005. – S.108–158.
3. Volkova P. S. Reinterpretacija hudozhestvennogo teksta (na materiale iskusstva XX veka) [Текст] / avto-ref. dis. ... dokt. iskusstvovedenija: 17.00.09 / P. S. Volkova; Krasnodarskij gos. un-t kul'tury i iskusstv. – Krasnodar, 2009. – 46 s.
4. Vjacheslavova O. A. Mif i obrazotvorche mystectvo u postmodernij estetyci [Текст] / O. A. Vjacheslavova, A. D. Chaus // Ukrai'ns'ka kul'tura u vymirah postmodernu: Navch. posib. dlja studentiv VNZ. – Lugans'k: vyd-vo «Noulidzh», 2011. – S.149–221.
5. Deljoz Zh. Razlichie i povtorenie [Текст] / Zhil' Deljoz; per. s fr. N. B. Man'kovskoj, Je. P. Jurovskoj; nauchn. red. N. B. Man'kovskaja. – SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998. – 384 s.
6. Karanda M. V. Neoreligijni motyv v estetyci ta mystectvi zlamu XIX–XX stolit' [Текст] / avto-ref. dys. ... kand. filoz. nauk: 09.00.08 / M. V. Karanda; Kyi'v. nac. un-t im. T. G. Shevchenka. – К., 2006. – 16 s.
7. Kosikov G. K. «Struktura» i/ili «tekst» (strategii sovremennoj semiotiki) [Текст] // Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s fr., sost. i vstup. st. G. K. Kosikova. – М.: IG «Progress», 2000. – S.3–48.
8. Legen'kyj Ju. G. Estetyka (dosvid apofatychnoi' deskrypcii') [Текст]: navch. posibnyk dlja stud. vuziv / Ju. G. Legen'kyj. – К.: KNUKIM, 2007. – 600 s.

9. Lotman Ju. M. Struktura hudozhstvennogo teksta [Tekst] / Lotman Ju. M. // Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo–SPb», 1998. – S.14–285.

10. Lotman Ju. M. Ritorika [Tekst] / Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i: V 3– tomah. – Tallin: Aleksandra, 1992. – T.1. – S.167–183.

11. Mejzerskij V. M. Filosofija i neoritorika [Tekst] / V. M. Mejzerskij. – K.: Lybid', 1991. – 192 s.

12. Mizina L. B. Estetychna interpretacija istorii' mystectv: suchasne bachennja [Tekst] / Mizina L. B. – Lugans'k: Vyd–vo SNU im. V. Dalja, 2006. – 200 s.

13. Obshhaja ritorika [Tekst] / Zh. Djubua, F. Pir, A. Trinon i dr.; [per. s fr.; obshh. red. i vstup. st. A. K. Avelicheva]. – M.: Progress, 1986. – 392 s.

14. Rojtburd A. Imadzhinarium [Tekst] / Aleksandr Rojtburd. – K.: Famil'naja tipografija huss, 2013. – 79 s.

15. Semynog L. Adresnist' tekstu: Istorychni metamorfozy v ukrai'ns'kij estetychnij dumci [Tekst] / L. Semynog // Hudozhnja kul'tura. Aktual'ni problemy: Naukovyj visnyk / IPSM AMU; Redkol.: O. Fedoruk (golova), V. Sydorenko, I. Bezgin ta in. – K., 2008. – Vyp.5. – S.91–98.

16. Tarasenko A. A. Mifologichni motyvy i obrazy v obrazotvorchomu mystectvi Odesy ostann'oi' tretyny XX – pochatku XXI stolittja [Tekst]: avtořef. dys.... kand. mystectvoznavstva: 17.00.05 / A. A. Tarasenko. – Harkiv, 2007. – 20 s.

17. Fedoruk O. Velychnyj znak metafory [Tekst] // Peretyn znaku: Vybrani mystectvoznavchi statii. U 3–h knyghah / Instytut problem suchasnogo mystectva Akademii' mystectv Ukrai'ny. – K.: Intertehnologija, 2008. – Kn.3. – S.25–53.

18. Holodyns'ka S. Interpretacija jak faktor formuvannja novogo mystec'kogo fenomenu [Tekst] / S. Holodyns'ka // MIST: Mystectvo, istorija, suchasnist', teorija: Zb. naukovyh prac' z mystectvoznavstva ta kul'turologii' / IPSM AMU; Redkol.: V. D. Sydorenko (golova), O. O. Avramenko, O. Ja. Bodnar ta in. – K.: Muzychna Ukrai'na, 2008. – Vyp.4–5. – S.352–360.

19. Jakobson R. Lingvistika i pojetika [Tekst] // Strukturalizm: «za» i «protiv». Sb. statej; [per. s angl. I. A. Mel'chuka]. – M.: Progress, 1975. – S.193–230.

20. Jampol'skij M. «Skvoz' tuskloe steklo»: 20 glav o neopredelennosti [Tekst] / M. Jampol'skij. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 688 s.

21. Jampol'skij M. Pamjat' Tiresija: Intertekstual'nost' i kinematograf [Tekst] / M. Jampol'skij. – M.: RIK «Kul'tura», 1993. – 464 s.

Vjacheslavova O. A., PhD, Assistant Professor, Associate Professor of Philosophy and Sociology, National Medical University, OBOhomolets (Kyiv, Ukraine), vjacheslavova--elena@yandex.ru

About interdisciplinary models in aesthetics: rhetoric of text in fine art

The article carries the adaptation of neorhetorical understanding of the text to the aesthetic problems of tropes in fine art. The author identifies two levels of rhetoric – rhetoric of figures and rhetoric of the text as a whole. Metalogism considered as a type of rhetorical operations associated with the presence of the deviations from visual and logical code in the artwork. The article gives the definition of a rhetorical function in the visual arts and a typology of intertextual relations.

Keywords: rhetorical function, autoreference, metalogism, intertext, reinterpretation, creolization of language.

Вячеславова О. А., кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії та соціології, Національний медичний університет ім. О. О. Богомольця (Україна, Київ), vjacheslavova--elena@yandex.ru

Про міждисциплінарні моделі в естетичній риторикі тексту в образотворчому мистецтві

Здійснена адаптація риторичного розуміння тексту до естетичної проблематики тропосу в образотворчому мистецтві. Авторка виокремлює два рівня риторичного – риторикі фігур та риторикі тексту як цілого. Розглянуто металогізм як тип риторичних операцій, пов'язаних з наявністю у творі відхилень від візуального та логічного кодів. Дається визначення риторичної функції в образотворчому мистецтві, експліковано типологію інтертекстуальних зв'язків.

Ключові слова: риторична функція, автореференція, металогізм, інтертекст, реінтерпретація, креолізація мови.

* * *

УДК 1(091)

Несправа М. В.,
здобувач кафедри філософії, Дніпропетровський
національний університет (Україна, Дніпро),
n.nesprava@gmail.com

РУЙНУВАННЯ ВСІХ ДОСЯГНЕНЬ КУЛЬТУРИ ТА МОРАЛІ ЯК СУТНІСТЬ ЗЛА В УМОВАХ СУСПІЛЬСТВА СПОЖИВАЧІВ

Розглянуто проблему культурної кризи, руйнування всіх досягнень культури та моралі як сутність зла у суспільстві споживачів в умовах глобалізації. Аналізується пов'язана з цим дихотомія «добро – зло». Розглядається методологічний підхід, який спрямовано на дослідження руйнування і кризи моралі у соціально-філософській інтерпретації.

На ґрунті аналізу взаємозв'язків типу: «інформаційне суспільство – суспільство споживачів» робиться висновок про те, що в кожному із зазначених типів відносин прослідковується тенденція кризи морального чинника, залежності розвитку економічного буття людини, суспільства загалом від руйнування всіх досягнень культури та моралі; наголошується на необхідності посилення моральнісних пріоритетів у житті сучасного глобального суспільства.

Ключові слова: криза, глобалізація, культура, мораль, суспільство споживачів.

В умовах глобалізованого світу йде напружений пошук нових шляхів розвитку людства, переходу до нового рівня життя, нових ціннісних орієнтацій. Цей пошук відбувається у різних сферах людської культури – у філософії, мистецтві, науці. Передумови трансформації світогляду та руйнування традиційних цінностей обумовлені сферою науково-технологічного прогресу, існування кіберкультури та кібер світу, віртуальної реальності, які є стрижнем існування і розвитку техногенної та інформаційної цивілізації. Різні аспекти кризи сучасного цивілізаційного розвитку, руйнування культури аналізували М. Бердяєв, М. Данилевський, П. Сорокін, Ж. Бодріяр, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Х. Ортега-і-Гасет, Ф. Фукуяма, І. Валерстайн, Е. Тофлер, Т. Адорно, М. Гайдегер, Е. Гусерль, Ж.–П. Сартр, Е. Фром, К. Ясперс та ін.

Мета статті – розглянути особливості глобалізації та вияви кризи, руйнування культури і моралі, як вияв зла.

Найвні культурні, екологічні, економічні кризи та формування суспільства споживання, обумовлено набутками техногенної та інформаційної цивілізації. «Суспільство споживання» – один із багатьох концептів, запропонованих Франкфуртською школою, зокрема Гербертом Маркузе бо, зараз «раби розвиненої індустріальної цивілізації є сублімованими рабами, але вони – раби, оскільки рабство є зумовленим» [11, с. 87–134]. Суспільство споживання стало чи не єдиним можливим бажаним варіантом розвитку західних країн. Коли формується суспільство потреб, між собою зіштовхуються людські цінності, руйнуються досягнення моралі та культури. Відбувається трансформація ідеалів світових ідеалів сили і влади. Ідея що людина є «мірилом всіх речей», і вона може панувати над об'єктами, обставинами, соціальним середовищем. Суспільство потреб обмовило виникнення криз Ф. Ніцше говорив про кризу християнської моралі, О. Шпенглер – про кризу європейської культури, А. Швайцер – про кризу світогляду, А. Тойнбі – про кризу західноєвропейської християнської цивілізації. Розвиток науки і техніки, інформаційних технологій у ХХ ст. призвело до виникнення низки моральних проблем, характерних для сучасного світу: створення зброї масового знищення (ядерної, хімічної, біологічної), до виникнення загрози знищення всього